

В этом маленьком рассказе Реми Эйвери легкой рукой скрещивает мифологическое с реалистическим. Миф проступает через реальность пахучими пятнами, то есть он буквально пахнет: медом, плодами, землей. Текст двигается, шелестит колесами, постукивает на колдобинах, стремится к развязке и, наконец, приезжает к финишу, ожидаемому или не вполне ожидаемому, – тут все зависит от опытности читателя. А потом тянет перечитать: а как именно складывался смысл, как именно автор прочерчивал извилистый путь? И тогда видишь, что до развязки доехала только тележка с реальностью, а миф остался мифом: необъяснимым, необъясненным и не могущим быть выраженным ни на каком языке, кроме глухонемого языка запахов.

Татьяна Толстая

То, что его жена поехала головой, Джо воспринял спокойно.

С самого начала это был вопрос времени. Семейный доктор еще до свадьбы предупредил, что ремиссия не бесконечна, наступит ухудшение, что, в общем, не страшно при современном развитии психофармакологии. Главное, отслеживать любые изменения и не тянуть с обращением к нему. Он, конечно, сразу перенаправит куда надо, только приема у специалиста можно прождать до яблочного заговенья.

Но Джо тянул.

– Не тревожьтесь о существующем положении дел. Все разрешимо. Господь милостив. Живите обычной жизнью. – Доктор тогда пожал ему руку и выдал Мириам желтый овальный леденец, которые обычно предназначались детям.

Напряженная во время всего приема, она вдруг прыснула, прижала пальцы к губам, словно боясь нарушить серьезность разговора, но не сдержалась и рассмеялась в голос. И доктор, и Джо с облегчением расхохотались в ответ, каждый со своей интонацией.

– Я больна, Джо.

Мириам сообщила это на первом же свидании. Спокойно, серьезно, без кокетства и шуток.

– С раннего детства. Врачи говорили, что это кризисы роста, плохое воспитание и просто дурной

характер, но голоса в моей голове с ними не соглашались. Я могу любить весь мир, до луны и до солнца и через минуту ненавидеть его до преисподней. Могу сворачивать горы и поворачивать вспять реки, а потом полгода лежать лицом к стене. Не очень-то легко быть мной и со мной. Я пью препараты, конечно, но ты должен знать.

Джо смотрел на ее косо подстриженную челку, падающую прямо на глаза, на острые углы ключиц над вырезом белой майки, широковатые бедра, загорелые ступни, на алый лак на руках и ногах и пропускал мимо ушей каждое слово.

Аромат, что она источала, окутывал облаком, проникал под одежду, заставляя каждый волосок встать дыбом на покрывшейся гусиными цыпками коже. Запах яблок – пока еще не созревших, с жесткой кожурой и нежной зеленой сердцевинкой. Откуси – зубы сведет кислой оскоминой, язык же ощутит всю сладость. Джо пожалел, что напялил такие тесные джинсы.

Запах этот менялся потом, особенно в ее «опасные дни». Джо начинал таскаться за Мириам, стоял под дверями туалета, пока она журчала там, и врывался под дурацким предлогом сразу, как только спускалась вода. В овуляцию его жена начинала благоухать еврейским новым годом: рассыпчатая мякоть нагретых солнцем яблок, текучий цветочный мед, горьковатые звезды бадьяна.

Он набрасывался на нее. Начинал с поцелуя – видишь, я не животное, любимая, не животное, но почти сразу начинало не хватать воздуха. Он переворачивал ее на живот, задирав домашнее платье, двигался исступленно, как заводная игрушка, у которой переключили механизм.

Мириам не беременела. Ни в первый год, ни в следующий. Оба не удивлялись: слишком рано, слишком мало времени вместе, еще не налюбовались друг другом, не распробовали, не насытились. Третий человек в их союзе пришелся бы лишним.

Болезнь не возвращалась. В последний раз Мириам рыдала от смеющихся над ней голосов за несколько месяцев до знакомства с будущим мужем. Джо списывал это на удачу и упорядоченный уклад: он работал, она занималась домом, вставали и ложились каждый день в одно и то же время, правильно питались, по вечерам много гуляли, на выходных ездили к морю – крепкий, соленый муссон мог выдуть из головы любую хворь.

О ребенке заговорили только через четыре года, что вот, было бы неплохо, если веселая девочка в коротком платье или кудрявый мальчик с умными глазами. Любили бы и обожали, баловали. Мириам подсовывала ему палитры меловых красок для детской: белый, бледно-желтый, шалфейный – Джо специально говорил «зеленый», тогда жена вспыхивала, злилась и в своем возмущении становилась особенно красивой. Дюжина попыток забеременеть оказались бесплодными. Мириам растеряла все эти веера выкрашенных бумажек и не очень-то сожалела.

Джо не помнил точно, когда их постельные игры сошли на нет. Он работал целыми днями и выматывался к концу дня так, что засыпал, только положив руку на живот Мириам. Она не обижалась и вопросов не задавала. Записалась в спортзал, недовольная тем, что бедра уж очень раздались.

– Не истязай себя там, детка, – шутил Джо. – Мне нравится, когда покруглее.

– Обойдешься, – отмахивалась Мириам. – Я хочу нравиться себе, а не тебе.

То, что она зачала, Джо узнал раньше ее самой. Никаких больше яблок, спелых или неспелых. Их аромат сменился запахом вспаханной земли: черной, жирной, плодородной, благодарно принявшей семена. Его чуть не вывернуло, когда он учуял в первый раз.

Он заперся в офисе, сел за стол, положил перед собой руки и разрыдался от опустившейся на его плечи ноши. Джо плакал горько и безысходно, как в десять лет, когда обнаружил, что родители, боясь сказать ему, что его рыбка Дори умерла, подменили ее на точно такую же новую.

– Посмотри-ка, дружок, она сегодня особенно бодра и в прекрасном настроении!

Джо не помнил, чьи это были слова, отца или матери. Он смотрел в аквариум. У Дори было три зазубрины на нижнем плавнике, у новой – две. Он не был малышом и прекрасно знал, что однажды Дори не станет. Он похоронил бы ее в саду, завернув в салфетку, и пережил бы это горе, как настоящий мужчина, а теперь нужно было делать вид, что ничего не произошло.

– Посмотрите сюда, ваши приятели вялы и скучны, никто из них не мотивирован достигнуть цели.

Спермограмму Джо сдавал втайне от жены, предположив виновато, что дело в нем. Узнав о своей бесплодности, он малодушно не смог завести разговор, оправдывая себя тем, что подходящего времени все не находилось, да и Мириам неудачам особо не расстраивалась.

Неизвестно, был бы смысл, если бы он закатил родителям скандал, или нет. О том, что рыбка не Дори, он забыл уже через неделю, а еще через полгода устроил дублерше Нори достойные похороны.

Джо вытер платком мокрые от слез щеки, высморкался и набрал Мириам, готовый принять благую весть. Когда тебе не десять, а тридцать пять, уже не так важно, сколько зазубрин на плавниках рыбки, плавающей в животе твоей жены.

Первые признаки сумасшествия он заметил через неделю. Сидя за обеденным столом, Мириам с отрешенным видом отрезала мелкие кусочки от яблока и бросала их себе под ноги, словно кормила птиц. Губы ее шевелились в неизвестной ему молитве. Он не решился ее окликнуть.

– Я беременна, Джо.

Она пришла к нему на следующее утро.

– Я мечтала об этом с самого детства, – спокойно и серьезно сказала она, как в их первый день. – Я помню, что говорил доктор, – моя болезнь не просто вернется, она станет много хуже, но очень тебя прошу, давай оставим этого ребенка.

От нее все еще пахло землей, теперь кладбищенской. Тошнотворный аромат гнили смешивался со сладковатыми нотами пророщенного семени. Джо задержал дыхание.

– Я рад, что это наконец произошло. – Он поцеловал ее в лоб. – И конечно, мы справимся.

В первом триместре хуже не становилось. В голове Мириам ничьи голоса не нашептывали тревожных вестей. С запахами Джо свыкся, с нехитрыми капризами беременной жены тоже.

От первого шевеления ребенка с Мириам случилась истерика.

– Это случилось! Случилось! – стучала она зубами о край стакана с водой. – Я чувствовала тут под кожей, будто что-то трепетало. Сначала коротко, потом дольше.

Ночью Джо приснилось, что жена родила рыбу. Три килограмма, пятьдесят сантиметров. Гордый и счастливый, он тщательно пересчитал зазубрины на каждом плавнике. Имя было припасено давно – Дориана.

Мириам совсем поехала головой. К этому факту он отнесился как к плохой погоде – прогноз еще на прошлой неделе предупреждал, что она сильно испортится, так что же теперь сетовать? Сначала вести ее к врачу казалось рано, теперь уже поздно. Джо не хотел, чтобы ее пичкали таблетками и уколами, – неизвестно, как бы это отразилось на ребенке. Пусть кто-то другой верит исследованиям фармкомпаний, а потом растит уроды или инвалида, размышлял он.

С женой он справлялся. Знал, если она плачет, то все в порядке, и можно отвлечься на ТВ-шоу или футбол. Достаточно было усадить ее в кресло, дать коробку салфеток, сказать «все будет хорошо» и в десять вечера уложить спать. Его не трогало ни ее залитое слезами лицо, ни изредка прорывающиеся из стиснутых губ судорожные всхлипы. Режим чувствосбережения – так он называл. Он понимал, что нужно перетерпеть: ему, ей, им вместе, ради их ребенка, ради общего будущего. Да и Господь милостив, не оставит.

Хуже, если Мириам затихала. Ее глаза просыхали, рот сжимался еще больше, взгляд устремлялся внутрь себя, не с той безмятежной созерцательностью, какую Джо много раз видел у своих беременных сестер, но с безмерными тоской и отчаянием. Она раскачивалась взад и вперед. Билась затылком, выстукивая только ей понятные просьбы о помощи полоумной азбукой морзе. Он заботливо прибывал на стены одеяла.

Казалось, случилось что-то страшное, непоправимое. Джо видел это по ее опущенным от неизвестного ему горя плечам, по положению стиснутых до синяков рук, но оставался тверд. Два раза он вытаскивал ее из петли. На третий раз Мириам заговорила.

– Никто, – голос ее звучал спокойно и глухо, – вообще никто. Ни одна мать на свете не должна проходить через такое. Это невыносимо. Это бесчеловечно. Ты не должен был соглашаться. Если бы ты меня любил, а ты все время говоришь, что любишь, ты бы не позволил оставить этого ребенка.

– Это наш ребенок. – Джо не удержался.

Жена подняла руку, требуя, чтобы он замолчал.

– Ты думаешь, голоса свели меня с ума. Ты думаешь, они шепчут, и я теряю разум. Но если бы ты знал их слова, ты бы попросил свить вторую петлю – для себя. И мне не разделить эту ношу ни с кем. Ни сейчас, ни потом. Это чудовищная, изощренная, жестокая пытка, которая никогда не закончится.

– Я знаю, ты устала. Я знаю, как тебе тяжело. – Джо осторожно подбирал слова. – Но осталось всего три месяца. Нужно потерпеть...

Мириам расхохоталась, жутко, утробно.

– Скажешь это потом своему сыну.

К исходу осени стало невыносимо.

– Съездим разведемся. Домик небольшой, но там есть озеро и лес. Ты посмотришь на воду, погуляешь, подышишь воздухом. Всего несколько дней. Мы туда и обратно. Что скажешь? Хорошая идея? Отличная ведь, просто замечательная?

Мириам безучастно смотрела, как он укладывает в сумку пеленки, подгузники и упаковки с яблочным пюре. Четыре недели до родов, Господь милостив, может, доносит, но подстраховаться надо.

Нерелигиозный Джо знал, что Господь всегда был милостив. С самого начала начал, когда Хава сорвала Яблоко с Дерева и съела его. Еще в детском саду рассказывали сказку, что узнал Господь и не разгневался, потому что не Мечь имя Ему, а Любовь. И сказал Господь Адаму и Хаве, что набрались они от Яблока разума, и время пришло идти и возделывать свои сады, и растить свои яблоки и есть их, а других плодов и животных не трогать, иначе Смерть.

Верующая Мириам в хорошие дни шутила, что раз Господь милостив, то потому пауки и не летают.

Машина забарахлила уже на самом повороте к озеру, закипела вдруг и встала безнадежно.

– Пустяки! – Джо суетливо отвязывал велосипед от багажника. – Тут всего пять миль, довезу тебя с комфортом! Ты сядешь, а я пойду рядом и повезу очень аккуратно. Потом вызову эвакуатор и разберусь со всем. Хорошо, любимая?

Мириам не спорила. Плакать она перестала за час до выезда и теперь слегка раскачивалась.

– Давай садись, остороженько только. Ноги не перекидывай, пусть обе сбоку...

Он боялся, что огромный живот жены перевесит, но Мириам ухватилась одной рукой за раму, второй за сиденье, и сохраняла равновесие.

– Вот молодец! – Джо с усилием толкнул велосипед вперед. – Вот так приключение у нас!

Лесная дорога, извилистая, с ямами и ухабами, годилась, скорее, для горных моделей, а не пиджонского ретро, как у Джо. Мириам не жаловалась, только морщилась, когда трясло особенно сильно. Джо натужно балагурил всю дорогу. Его пугало, что и так бледное лицо жены стало зеленого оттенка, а губы посинели. Тяжелая дорога и усталость – успокаивал он сам себя.

Когда оставалось полмили, Мириам стошнило.

– Ничего страшного, не катастрофа, бывает. – Он попытался вытереть рвоту с ее рубашки. – Совсем чуть-чуть осталось. Хочешь, я донесу тебя?

Жена обмякла у него в руках.

Уже стемнело, когда они добрались. Джо аккуратно поставил Мириам на крыльцо, положил одну ее руку на перила, убедился, что она не упадет, и стал искать ключ, мысленно молясь, чтобы он оказался в кармане, а не в машине. Ключ нашелся в куртке. Выстуженная гостиная напоминала наркоманский притон: на полу грязное ковровое покрытие, из мебели – два засаленных дивана и кресло, жирные объедки на шербатых тарелках стопкой на кофейном столике. В спальне было еще хуже. В кухню Джо побоялся заходить.

– Прости, любимая, прости. – Он метался по комнате. – Мы уедем домой! Ты не останешься в этом хлеву. Я сейчас вызову эвакуатор, и нас отвезут.

– Джо...

– Прости, детка, прости, моя птичка. Только не расстраивайся, только не волнуйся, тебе нельзя...

– Джо!

Прежняя Мириам, серьезная, красивая, смотрела на него целое мгновение.

Только сейчас он увидел, что ее джинсы промокли насквозь, под ботинками собралась целая лужа.

– Ох, не успели с тобой в туалет? И это не катастрофа! Ничуть! – затараторил он. – И ничего стыдного. Такое бывает, я читал, на позднем сроке часто отказывает мочевого пузырь.

– У меня отошли воды, – сказала она.

– Что?

Мириам закрыла руками лицо и завывала.

Сначала он бегал по лесу. Мобильник не ловил сеть ни на пригорке, ни под пригорком, ни на сосне, на которую он вскарабкался, как испуганный промахнувшимся охотником медведь, а потом долго не мог слезть – нога скользила и срывалась с коротких сучьев. Потом в доме искал кастрюлю, чтобы нагреть воды – так всегда говорили в старых фильмах, когда кто-то начинал рожать.

Мириам голосила.

– Дыши, главное, дыши! Пф! Пф! Пф! Пффф! – Ему было все равно, правильный это ритм или нет. – Пффф! Давай. Пф! Пф! Пф!

Телефон разрядился, и считать интервалы между схватками было невозможно. По крикам жены Джо предполагал, что они где-то в середине.

Когда головка младенца ввинтилась в лоно, Мириам на секунду затихла, переждала, скривившись, схватку, и сказала:

– Джо. Джо, я не хочу. Пожалуйста. Пусть этого не будет. Пусть это не случится.

Ее голос давно сел, и сейчас она сипела, отчего слова выходили особенно безумными.

– Пусть все остановится. Пусть прекратится. Прямо сейчас.

– Ничего, ничего. – Он держал ее за руку, дул на лоб. – Ничего, моя хорошая. Надо потерпеть. Боль пройдет.

– Нет. Боль не пройдет. Пожалуйста, – звучала она испуганной девочкой. – Я не хочу! Я не хочу! Не хочу, чтобы это происходило со мной. Помогите мне. Избавь меня от этого! Пожалуйста. Джозеф!

Она плакала, захлебываясь слезами, умоляла, пока ее тело скручивали схватки одна за другой, но с первой потугой замолчала, замерла в неизбывном ужасе, как приговоренный к смертной казни чувствует обнажившейся шеей движение воздуха под лезвием гильотины.

Джо знал, что все пройдет. Он утешал себя этим восемь месяцев подряд. Не будет боли, не будет страха, не останется отчаяния. Уйдет запах мертвой земли, разложения и смерти, вернуться ароматы яблок и меда. Жена родит, схлынут гормоны, чувства к сыну вытеснят все, и голоса в ее голове тоже, ведь Господь милостив и Он есть Любовь.

Мальчик закричал сразу. Грязный, весь в какой-то белой смазке, недовольный, на вид он казался совершенно здоров. Джо завернул его в свою футболку и носил по комнате, пока сын не уснул. Измученная Мириам тоже спала.

Утром его разбудил звук подъезжающего к дому автомобиля. Сквозь щель в задернутых шторах Джо рассмотрел высокую желтую крышу. Скорая помощь. Ночью все было как в тумане, видимо, все же дозволился.

Он распахнул дверь. Со сна униформа парамедиков показалась ему странной.

– Здравствуйте, – негромко сказал старший из трех. – Вы позволите войти? Мы принесли подарки: золото, ладан и смиру.

Мириам страшно закричала.